Вильям Васильевич Похлёбкин
Тяжелая судьба русской гречихи

Похлёбкин Вильям Васильевич
ТЯЖЁЛАЯ СУДЬБА РУССКОЙ ГРЕЧИХИ

Среди длинного списка дефицитных продуктов прошлых лет, пожалуй, на первом месте и «по стажу», и по заслуженной любви истосковавшихся по ней людей, и, наконец, по объективным кулинарно-пищевым качествам стояла, несомненно, гречневая крупа.

С чисто исторической точки зрения гречка — истинно русская национальная каша, наше второе по значению национальное блюдо. «Щи да каша — пища наша». «Каша — мать наша». «Гречневая каша — матушка наша, а хлебец ржаной — отец родной». Все эти поговорки известны с весьма давних времён. Когда в контексте русских былин, песен, сказаний, притч, сказок, пословиц и поговорок и даже в самих летописях встречается слово «каша», то это всегда означает именно гречневую кашу, а не какую-нибудь иную. Словом, гречиха — не просто пищевой продукт, а своего рода символ национального русского своеобразия, ибо в ней соединились те качества, которые всегда привлекали русский народ и которые он считал своими национальными: простота в приготовлении (налил воды, вскипятил не мешая), ясность в пропорциях (одна часть крупы на две части воды), доступность (гречка всегда была в России в избытке с X по XX века) и дешевизна (вдвое дешевле пшеницы). Что же касается сытности и отменного вкуса гречневой каши, то они — общепризнанны, вошли в поговорки.

Итак, давайте познакомимся с гречихой. Кто она? Где и когда родилась? Почему носит такое имя и т.д. и т.п.

Ботаническая родина гречихи — наша страна, а точнее — Южная Сибирь, Алтай, Горная Шория. Отсюда, из предгорий Алтая, гречиху занесли на Урал урало-алтайские племена во время переселения народов. Поэтому европейское Предуралье, Волго-Камский регион, где гречиха временно осела и стала распространяться в течение всего первого тысячелетия нашей эры и почти два-три столетия второго тысячелетия как особая местная культура, стали второй родиной гречихи, опять-таки на нашей территории. И наконец, после начала второго тысячелетия гречиха обретает свою третью родину, переходя в районы чисто славянского расселения и становясь одной из основных национальных каш и, следовательно, национальным блюдом русского народа (две чёрные национальные каши — ржаная и гречневая).

Таким образом, на огромном пространстве именно нашей страны развертывалась в течение двух и даже двух с половиной тысячелетий вся история развития гречихи и находятся три её родины — ботаническая, историческая и национально-экономическая.

Только после того как гречиха глубоко укоренилась в нашей стране, она стала, начиная с XV века, распространяться и в Западной Европе, а затем и в остальном мире, где складывается впечатление, что это растение и этот продукт пришёл с Востока, хотя разные народы определяют этот «восток» по-разному. В Греции и Италии гречиху называли «турецким зерном», во Франции и Бельгии, Испании и Португалии — сарацинским или арабским, в Германии считали «языческим», в России — греческим, так как первоначально в Киевской и Владимирской Руси гречиху возделывали при монастырях преимущественно греческие монахи, люди более сведущие в агрономии, которые и определяли названия культур. О том, что гречиху испокон веков возделывали в Сибири, в Предуралье и в Волго-Камском обширном регионе, церковники не желали знать; честь «открытия» и внедрения этой любимой русскими культуры они безапелляционно приписывали себе.

Когда же во второй половине XVIII века Карл Линней дал сречихе латинское название «фагопирум» — «буковоподобный орешек», ибо по форме семян, зёрен гречиха напоминала орешки букового дерева, то во многих германоязычных странах — Германии, Голландии, Швеции, Норвегии, Дании — гречиху стали называть «буковой пшеницей». Примечательно, однако, что широкого распространения как блюдо гречневая каша в Западной Европе не получила. Кроме собственно Великороссии гречиху возделывали лишь в Польше, да и то после

её присоединения к России в конце XVIII века. Так и сложилось, что всё Царство Польское, а также не входившие, но примыкавшие к нему Виленская, Гродненская и Волынская губернии стали одним из главных центров возделывания гречихи в Российской империи. И поэтому вполне понятно, что с их отпадением от России после Первой мировой войны производство гречихи в СССР и доля СССР в мировом гречишном экспорте сократилась. Однако и после этого наша страна давала 75% и более мирового производства гречихи ещё в 20-х годах. В абсолютных цифрах положение дел с производством товарного гречневого зерна (крупы) обстояло за последние сто лет так.

В конце XIX — начале XX века в год под гречиху в России было занято чуть более 2 млн га, или 2% пашни. Сбор составлял 73,2 млн пудов, или по нынешним мерам — 1,2 млн тонн зерна, из которых 4,2 млн пудов экспортировали за границу, причём не в виде зерна, а главным образом в виде гречневой муки, а круглым счётом 70 млн пудов шло исключительно на внутреннее потребление. И на 150 млн человек тогда этого вполне хватало. Это положение после утраты отпавших земель под гречкой в Польше, Литве и Белоруссии было восстановлено уже к концу 20-х годов. В 1930— 1932 годах площади под гречихой были расширены до 3,2 млн га и составляли уже 2,81 посевных площадей. Сборы зерна составили в 1930-1931 годах 1,7 млн тонн, а в 1940 году — 13 млн тонн, т. е. несмотря на некоторое падение урожайности, в целом валовой сбор был выше, чем до революции, и гречневая крупа постоянно была в продаже. Более того, оптовые, закупочные и розничные цены на гречку в 20-40-е годы были в СССР самыми низкими среди прочих хлебов. Так, пшеница была 103-108 коп. за пуд, в зависимости от района, рожь — 76-78 коп., а гречиха — 64-76 коп., причём дешевле всего она стоила в Приуралье. Одной причиной низких внутренних цен было падение мировых цен на гречиху. В 20— 30 годах СССР вывозил лишь 6-8% валового сбора на экспорт, да и то вынужден был конкурировать с США, Канадой, Францией и Польшей, которые также поставляли на мировой рынок гречневую муку, в то время как крупа-ядрица на мировом рынке не котировалась.

Даже в 30-х годах, когда пшеничная мука вздорожала в СССР на 40%, а ржаная на 20%, гречневая крупа-ядрица вздорожала всего на 3-5%, что при её общей низкой стоимости было почти незаметно. И тем не менее спрос на неё на внутреннем рынке и в этой ситуации нисколько не возрастал, даже снижался. Практически же она была в избытке. Но к снижению спроса приложила руку наша «родная» медицина, которая неустанно распространяла «информацию» о «малой калорийности», «трудной усвояемости», «высоком проценте целлюлозы» в гречневой крупе. Так, биохимики публиковали «открытия», что гречка содержит 20% целлюлозы и, следовательно, «вредна для здоровья». При этом в анализ зерна гречихи бессовестно включали и лузгу (т. е. оболочки, закрышки, от которых лущили зерно). Словом, в 30-х годах, вплоть до начала войны, гречку не только не считали дефицитом, но и низко котировали пищевики, продавцы и диетологи.

Положение резко изменилось во время войны и особенно после неё. Во-первых, все площади под гречихой в Белоруссии, на Украине и в РСФСР (Брянская, Орловская, Воронежская области, opedcnp| Северного Кавказа) были полностью утрачены, попав в полосу военных действий или в оккупированные территории. Оставались лишь районы Предуралья, где урожайность была очень низка. Армия тем не менее регулярно получала гречневую крупу из заблаговременно созданных крупных государственных запасов.

После войны положение осложнилось: запасы были съедены, восстановление площадей под посевы гречихи шло туго, важнее было восстановить производство более продуктивных видов зерна. И тем не менее сделано было всё, чтобы русский народ не оставался без любимой каши.

Если в 1945 году под посевами гречихи было всего 2,2 млн га, то уже в 1953 году они были расширены до 2,5 млн га, но затем в 1956 году вновь неоправданно сокращены до 2,1 млн га, так как, например, на Черниговщине и Сумщине вместо гречихи стали возделывать более рентабельную кукурузу под зелёную массу как кормовую культуру для животноводства. Уже с 1960 года размер площадей, отводимых под гречиху, вследствие дальнейшего своего сокращения перестали указывать в статистических справочниках отдельной позицией среди зерновых.

Крайне тревожным обстоятельством явилось сокращение сборов зерна как вследствие сокращения посевных площадей, так и вследствие падения урожайности. В 1945 году — 0,6 млн т, в 1950 году — уже 1,35 млн т, но в 1958 году — 0,65 млн т, и в 1963 году всего-навсего 0,5 млн т — хуже, чем в военном 1945 году! Падение урожайности было катастрофическим. Если в 1940 году урожайность гречихи составляла в среднем по стране 6,4 центнера с га, то в 1945 году урожайность упала до 3,4 центнера, а в 1958 году до 3,9 центнера и в 1963 году составляла всего 2,7 центнера, вследствие чего возник повод ставить вопрос перед инстанциями о ликвидации посевов гречихи как «устаревшей, нерентабельной культуры», вместо того чтобы сурово наказать всех, допустивших такое позорное положение.

Надо сказать, что гречиха всегда была малоурожайной культурой. И это все её производители во все века твёрдо знали и потому с этим мирились, особых претензий к гречихе не предъявляли. На фоне урожайности других зерновых до середины XV века, т. е. на фоне овса, ржи, полбы, ячменя и даже отчасти пшеницы (в Южной России) — урожаи гречихи своей малопродуктивностью не особенно отличались.

Лишь после XV века, в связи с переходом на трёхпольный севооборот и с выясненной возможностью значительно повышать урожаи пшеницы, — и потому с «отрывом» этой культуры как более выгодной, товарной от всех остальных хлебов начала, да и то постепенно, незаметно, обнаруживаться мало-урожайность гречихи. Но это произошло лишь в конце XIX — начале XX века, и особенно наглядно и очевидно лишь после Второй мировой войны.

Однако те, кто был ответствен за сельскохозяйственное производство в это время в нашей стране, ни историей хлебных культур, ни историей возделывания гречихи вовсе не интересовались. Зато делом считали выполнение плана по зерновым, причём в целом. И гречиха, включаемая до 1963 года в число зерновых культур, заметно понижала агрочиновникам их общий процент урожайности в этой позиции, в этой строке статистической отчётности. Именно это больше всего заботило Минсельхоз, а не наличие гречневой крупы в торговле для населения. Вот почему в недрах ведомства зародилось и возникло «движение» за ликвидацию у гречихи ранга зерновой культуры, а ещё лучше, вообще за ликвидацию самой гречихи как некой «возмутительницы хорошей статистической отчётности». Возникло положение, которое для наглядности можно было бы сравнить с тем, как если бы больницы nrwhr{b`khq| об успехах своей медицинской деятельности по… среднебольничной температуре, т. е. по среднему градусу, выводимому от складывания температуры всех больных. В медицине абсурдность такого подхода очевидна, а в ведении зернового хозяйства ни у кого не вызвала протеста!

О том, что урожайность гречихи имеет определённый предел, и о том, что невозможно без ущерба для качества крупы повышать эту урожайность до определённого предела, — никто из «решающих инстанций» не хотел думать. Именно только полным непониманием проблем урожайности гречихи можно объяснить тот факт, что в БСЭ 2-го издания в статье «гречиха», подготовленной ВАСХНИЛ, указывалось, что «передовые колхозы Сумской области» добились урожайности гречихи в 40-44 центнера на га. Эти невероятные и совершенно фантастичные цифры (максимальная урожайность гречихи — 10-11 ц) не вызвали никакого возражения и у редакторов БСЭ, поскольку ни «учёные» агрономы-академики, ни «бдительные» редакторы БСЭ ни чёрта не смыслили в специфике этой культуры.

А специфики этой было хоть отбавляй. Или, точнее говоря, вся гречиха сплошь состояла из одной специфики, то есть во всем отличалась от других культур и от привычных агрономических понятий насчет того, что такое хорошо и что такое — плохо. Быть «среднетемпературным» агрономом или экономистом, плановиком и заниматься гречихой было невозможно, одно исключало другое и кто — то в таком случае должен был уйти. «Ушли», как известно, гречиху.

А между тем в руках тонко чувствовавшего специфику гречихи хозяина (агронома или практика), смотрящего на явления современности с исторических позиций, она не только не погибла бы, но и явилась бы буквально якорем спасения для сельхозпроизводства и страны.

Так в чём же специфика гречихи как культуры?

Начнем с самого элементарного, с зёрнышек гречихи. Зёрна гречихи, в их природном виде, имеют трёхгранную форму, тёмно— коричневый цвет и размеры от 5 до 7 мм в длину и

3-4 мм в толщину, если считать их с той плодовой оболочкой, в которой их производит природа.

Тысяча (1000) таких зёрен весит ровно 20 грамм, и ни на миллиграмм меньше, если зерно высококачественное, полнозрелое, хорошо, правильно высушенное. А это — весьма важная «деталь», важное свойство, важный и яснейший критерий, позволяющий весьма простым способом контролировать каждому (!) без всяких приборов и технических (дорогостоящих) приспособлений и качество самого товара, зерна, и качество работы по его производству.

Вот вам первая специфическая причина, по которой за эту прямоту и ясность не любят иметь дело с гречихой любые бюрократы — ни администраторы, ни плановики-экономисты, ни агрономы. Эта культура не даст словчить. Она, подобно «черному ящику» в авиации, сама расскажет, как и кто с ней обходился.

Далее. Гречиха имеет два основных вида — обыкновенная и татарская. Татарская более мелка и толстокожа. Обыкновенная делится на крылатую и бескрылую. Крылатая даёт товар меньшего натурного веса, что было весьма существенно, когда любое зерно мерили не на вес, а на объёмы: измерительный прибор вмещал всегда меньше зёрен крылатой гречихи, и именно благодаря её «крыльям». Гречихи, распространённые в России, всегда принадлежали к числу крылатых. Всё это имело и имеет практическое значение: одеревенелая оболочка натурного зерна (семян) гречихи, её крылья, — в целом составляют весьма заметную часть веса зерна: от 20 до 25%. И если этого не учитывать или «учитывать» формально, включая в вес товарного зерна, то bnglnfm{ махинации, исключающие или, наоборот, «включающие» в обороты до четверти массы всего урожая в стране. А это, десятки тысяч тонн. И чем более бюрократизировалось управление сельским хозяйством в стране, чем больше снижалась моральная ответственность и честность участвующего в операциях с гречихой административно-торгового аппарата, тем больше возможностей открывалось для приписок, хищения, создания дутых цифр урожаев или потерь. И вся эта «кухня» была достоянием только «специалистов». И есть все основания полагать, что подобные «производственные детали» и впредь останутся уделом лишь заинтересованных «профессионалов».

А теперь несколько слов об агрономических особенностях гречихи. Гречиха практически совершенно нетребовательна к почве. Поэтому во всех странах мира (кроме нашей!) её возделывают только на «бросовых» землях: в предгорьях, на пустошах, супесях, на заброшенных торфяниках и т. п.

Отсюда и требований к урожайности гречихи никогда особо не предъявляли. Считалось, что на подобных землях ничего иного и не получишь и что эффект экономический и товарный, а ещё более чисто пищевой и без того значителен, ибо без особых затрат, труда и времени — всё-таки получается гречневая крупа.

В России в течение веков рассуждали точно так же, и потому гречиха была всюду: каждый помаленьку для себя её выращивал.

Но с начала 30-х годов и в этой области начались «перекосы», связанные с непониманием специфики гречихи. Отпадение всех польско-белорусских районов гречкосеяния и ликвидация единоличного возделывания гречихи как экономически нерентабельного в условиях низких цен на гречневую крупу привело к тому, что были созданы крупные хозяйства по возделыванию гречихи. Они давали достаточно товарного зерна. Но ошибкой было то, что все они были созданы в районах отличных почв, в Черниговской, Сумской, Брянской, Орловской, Воронежской и других южнорусских чернозёмных областях, где традиционно возделывали более товарные зерновые культуры, и прежде всего пшеницу.

Как мы видели выше, конкурировать по сборам с пшеницей гречиха не могла, и кроме того, именно эти районы оказались полем основных военных действий в период войны, так что они выпали из сельскохозяйственного производства надолго, а после войны в условиях, когда надо было всемерно повышать урожайность зерновых, оказались более необходимыми для возделывания пшеницы, кукурузы, а не гречихи. Вот почему в 60-70-е годы шло вытеснение гречихи из этих районов, причём вытеснение стихийное и постфактум санкционированное высокими сельскохозяйственными инстанциями.

Всего этого не произошло бы, если бы под гречиху заранее отводили лишь бросовые земли, если бы развитие её производства, специализированные «гречневые» хозяйства

развивались независимо от районов традиционного, т. е. пшеничного, кукурузного и иного массового зернового производства.

Тогда с одной стороны, «низкие» урожаи гречихи в 6— 7 центнеров с га никого бы не шокировали, а считались бы «нормальными», а с другой стороны — не было бы допущено падения урожайности до 3, и даже 2 центнеров с га. Иными словами, на бросовых землях низкая урожайность гречихи — и закономерна и рентабельна, если «потолок» не спускается уж слишком низко.

А достижение урожайности в 8-9 центнеров, что также возможно, следует уже считать крайне хорошим. При этом рентабельность достигают не в силу прямого увеличения ценности товарного зерна, а посредством ряда косвенных мер, вытекающих также из специфики гречихи.

Во-первых, гречиха не нуждается ни в каких удобрениях, особенно в химических. Наоборот, они её портят во вкусовом отношении. Поэтому создается возможность прямой экономии на затратах в смысле удобрений.

Во-вторых, гречиха, пожалуй, единственное сельскохозяйственное растение, которое не только не боится сорняков, но и успешно борется с ними: она вытесняет сорняки, глушит, убивает их уже в первый год посева, а на втором вообще оставляет поле идеально чистым от сорняков, без всякого вмешательства человека. И, разумеется, без всяких пестицидов. Экономический и плюс экологический эффект от этой способности гречихи трудно оценить в голых рублях, но он исключительно высок. И это — огромный экономический плюс.

В-третьих, гречиха, как известно, превосходный медонос. Симбиоз гречишных полей и пасек ведёт к высоким экономическим выгодам: убивают двух зайцев — с одной стороны, резко увеличивается продуктивность пасек, выход товарного мёда, с другой — резко повышается урожай гречихи в результате опыления. Причём это единственный надёжный и безобидный, дешёвый и даже прибыльный способ повышения урожая. При опылении пчёлами урожай гречихи увеличивается на 30-40%. Таким образом, жалобы хозяйственников на низкую рентабельность и малую прибыльность гречихи — выдумки, миф, сказки для простаков, а вернее сказать — чистое очковтирательство. Гречиха в симбиозе с пасечным хозяйством — высокоприбыльное, крайне рентабельное дело. Той продукции всегда обеспечен высокий спрос и надёжный сбыт.

Казалось бы, о чём в таком случае речь? Отчего всё это не реализовать, и притом как можно скорее? Во что, собственно, все эти годы, десятилетия упиралась реализация этой простой программы возрождения гречнево-пасечного хозяйства в стране? В незнание? В нежелание вникнуть в суть проблемы и отойти от формального, чиновничьего подхода к данной культуре, на основе показателей плана посевов, урожайности, неверного географического распределения их? Или существовали ещё какие— нибудь причины?

Единственной существенной причиной губительного, неправильного, нехозяйского отношения к гречихе следует признать лишь только лень и формализм. Гречиха имеет одно весьма уязвимое агрономическое свойство, единственный свой «недостаток», а точнее — свою ахиллесову пяту.

Это её боязнь холодов, а особенно «утренников» (кратковременных утренних заморозков после посева). Это свойство было замечено давно. В древности. И боролись с ним тогда просто и надёжно, радикально. Посев гречихи производили после всех остальных культур, в период, когда почти на все 100% гарантирована хорошая, тёплая погода после посева, то есть после середины июня. Для этого установили день — 13 июня, день Акулины— гречишницы, после которого в любой удобный погожий день и в течение следующей недели (до 20 июня) можно было производить посев гречихи. Это было удобно и отдельному хозяину, и хозяйству: они могли приняться за гречиху, когда все остальные работы были окончены в посевной. Но в обстановке 60-х годов, а особенно в 70-х, когда спешили отрапортовать о быстром и скором посеве, о его завершении, те, кто «затягивал» сев до 20 июня, когда кое-где уже начинали первые укосы, — получали взбучки, нахлобучки и прочие шишки. Те же, кто выполнял «ранний сев», практически лишались урожая, так как гречка гибнет от холодов радикально — вся целиком, без исключения. Вот таким путём и была сведена гречиха в России. Единственным способом избежать гибели этой культуры от холодов считалось передвинуть её южнее. Именно r`j поступили в 20-40-х годах. Тогда гречиха была, но во-первых, ценой занятия

площадей, пригодных для пшеницы, а во-вторых, в районах, где могли бы расти и другие более ценные технические культуры. Словом, это был выход механический, выход административный, а не агрономический, не экономически продуманный и обоснованный. Гречку можно и нужно возделывать гораздо севернее её обычного ареала распространения, но надо сеять поздно и тщательно, заделывая семена до 10 см в глубину, т.е. ведя глубокую вспашку. Нужна аккуратность, тщательность, добросовестность посева и затем, в момент, предшествующий цветению, — полив, иными словами — необходимо приложить труд, причём осмысленный, добросовестный и интенсивный труд. Только он даст результат.

В условиях крупного, специализированного гречишно-пасечного хозяйства — производство гречихи выгодно и может быть увеличено весьма быстро, в год-два по стране. Но надо дисциплинированно и интенсивно трудиться в течение очень сжатых сроков. Это то основное, что требуется для гречихи. Дело в том, что гречиха имеет крайне короткий, небольшой вегетационный период. Через два месяца, или максимум через 65-75 дней после посева, она «готова». Но её надо, во-первых, посеять очень быстро, в один день на любом участке, и эти дни ограничены, лучше всего 14-16 июня, но не раньше и не позже. Во-вторых, необходимо следить за всходами и в случае малейшей угрозы сухости почвы производить быстрый и обильный, регулярный полив до цветения. Затем необходимо к моменту цветения перетащить ульи поближе к полю, причём эту работу производят только ночью и в хорошую погоду.

А спустя два месяца — наступает столь же быстрая уборка, причём зерно гречки досушивают после уборки, и тут тоже нужны знания, опыт и, главное, тщательность и аккуратность, чтобы не допустить на этом последнем этапе неоправданных потерь в весе и во вкусе зерна (от неправильной сушки).

Таким образом, культура производства (возделывания и обработки) гречихи должна быть высока, и каждый занятый в этой отрасли должен это сознавать. Но производить гречиху должны не единоличные, не маленькие, а большие, комплексные хозяйства. В эти комплексы должны входить не только бригады пасечников, занятых медосбором, но и чисто «фабричные» производства, занятые простой, но опять-таки необходимой и тщательной обработкой гречишной соломы и лузги.

Как выше уже упоминалось, лузга, т. е. оболочка семян гречихи, даёт до 25% её веса. Терять такие массы — плохо. А их обычно не только теряли, но и засоряли этими отходами всё, что только можно: дворы, дороги, поля и т.п. Между тем лузга даёт возможность вырабатывать из неё путём прессования с клеем высококачественный упаковочный материал, особенно ценный для тех видов продовольственных товаров, которым противопоказан полиэтилен и другие искусственные покрытия.

Кроме того, можно перерабатывать лузгу в высококачественный поташ путём простого сжигания и точно также получать поташ (калийную соду) из остальной гречишной соломы, хотя этот поташ более низкого качества, чем из лузги.

Таким образом, на базе возделывания гречихи можно вести специализированные многоотраслевые хозяйства, практически совершенно безотходные и производящие гречневую крупу, гречневую муку, мёд, воск, прополис, маточное молочко (апилак), пищевой и технический поташ.

Все эти продукты нам нужны, все они рентабельны и стабильны в смысле спроса. И кроме всего прочего, не следует забывать, что гречка и мёд, воск и поташ всегда были национальными продуктами Pnqqhh, точно так же, как её рожь, чёрный хлеб и лён.